

1812-ЫЙ ГОДЪ.

Избраніе Кутузова главнокомандующимъ надъ всеми арміями, прїездъ его въ армію и первые дни его дѣятельности ¹⁾.

Въ началѣ августа положеніе дѣлъ на главномъ театрѣ войны требовало принятія чрезвычайныхъ мѣръ для отраженія находившейся уже въ самомъ сердцѣ Россіи арміи Наполеона. Въ числѣ таковыхъ мѣръ прежде всего требовалось назначеніе общаго полномочнаго главнокомандующаго надъ всеми арміями. На это неотложное мѣропріятіе и назначеніе таковымъ главнокомандующимъ именно *Кутузова* указывало общественное мнѣніе Россіи. Склоняясь на избраніе общаго главнокомандующаго, но не останавливая своего выбора на *Кутузовѣ*, Императоръ Александръ повелѣлъ опредѣлить выборъ такого главнокомандующаго особому „Чрезвычайному Комитету“.

Первое засѣданіе установленнаго по повелѣнію Императора Александра Чрезвычайнаго Комитета для избранія главнокомандующаго состоялось 5-го августа въ 7 часовъ вечера въ домѣ предсѣдателя этого Комитета и предсѣдателя Государственнаго Совѣта генераль-фельдмаршала *графа Салтыкова*.

Членами Комитета состояли: Главнокомандующій столицы генераль *Вязмитиновъ*, предсѣдатели Государственнаго Совѣта князь *Лопухинъ* и *графъ Кочубей* и министръ полиціи *Балашевъ*.

Послѣ вступительной рѣчи предсѣдателя *графъ Аракчеевъ* представилъ Комитету рапорты и донесенія на Высочайшее имя главно-

¹⁾ См. „Русская Старина“, іюнь 1912 г.

командующаго 1-ой арміею *Барклая* и 2-ой князя *Багратиона*, а равно и частныя письма Государю князя *Багратиона*, генераль-адъютантовъ графа *Шувалова*, графа *Сенъ-При* и *Винценгероде* и полковника *Толя* ¹⁾).

По выслушаніи всѣхъ этихъ документовъ члены Комитета единогласно признали, что „недѣятельность въ военныхъ операціяхъ“ происходитъ отъ отсутствія „положительной единоначальной власти“, что, при невыгодѣ въ настоящее время „раздробленія сей власти, ей необходимо общее соединеніе“ и что „согласованіе дѣйствій разныхъ армій требуетъ назначенія надъ всѣми арміями одного общаго главнокомандующаго“.

Признавъ далѣе неудобство соединенія власти военнаго министра и главнокомандующаго 1-ой арміею въ одномъ лицѣ *Барклая* и что будучи въ чинѣ моложе другихъ главнокомандующихъ, *Барклай* можетъ быть стѣсненъ въ рѣшительности предписаній, Комитетъ единогласно пришелъ къ мнѣнію, что „назначеніе общаго главнокомандующаго арміями должно быть основано: во-первыхъ, на извѣстныхъ опытахъ въ военномъ искусствѣ, отличныхъ талантахъ, на довѣріи общемъ, а равно и на самомъ старшинствѣ; по сему единогласно убѣждаются предложить къ сему избранію генерала-отъ-инфантеріи князя *Кутузова*“ ²⁾).

Признавъ такимъ образомъ необходимость назначенія общаго и единого главнокомандующаго, Комитетъ, не останавливаясь на *Барклай* и выставивъ главными мотивами—извѣстный опытъ и общее довѣріе и предлогомъ еще и старшинство, единогласно остановилъ свой выборъ, въ согласованіи съ общественнымъ всей тогда Россіи мнѣніемъ, на *Кутузовъ*, высоко цѣня котораго еще великая монархія называла „мой генераль *Кутузовъ*“, который пользовался исключительнымъ уваженіемъ и довѣріемъ великаго *Суворова* и только что оказавшаго отечеству громадную услугу побѣдой у *Рущюка* и заключеніемъ въ столь трудное для государства время выгоднаго для насъ мира съ Турціею.

Въ заключеніе постановлено, что *Барклай*, останется ли онъ при арміи подъ начальствомъ *Кутузова*, или вернется въ Петербургъ, то во всякомъ случаѣ онъ долженъ быть уволенъ отъ званія военнаго министра.

8-го августа послѣдовало Высочайшее назначеніе *Кутузова*

¹⁾ Судя по журналу засѣданій Комитета письма Ермолова Государю Комитету представлены не были.

²⁾ Подлинная редакція журнала засѣданій Комитета.

главнокомандующимъ надъ всѣми арміями, повелѣно выдать ему 30.000 рублей на подъемъ, и Кутузовъ удостоенъ рескриптомъ:

„Михаилъ Илларионовичъ. Настоящее положеніе военныхъ обстоятельствъ нашихъ дѣйствующихъ армій хотя и предшествовало было начальными успѣхами, но послѣдствія оныхъ не открываютъ Мнѣ той быстрой дѣятельности, съ каковою бы надлежало дѣйствовать на пораженіе непріятеля.

Соображая сія послѣдствія и извлекая истинныя тому причины, нахожу нужнымъ назначеніе надъ всѣми дѣйствующими арміями одного общаго главнокомандующаго, котораго избраніе, сверхъ воинскихъ дарованій, основывалось бы и на самомъ старшинствѣ.

Извѣстныя военныя достоинства ваши, любовь къ отечеству и неоднократные опыты отличныхъ подвиговъ пріобрѣтаютъ вамъ истинное право на сію Мою довѣренность.

Избирая васъ для сего важнаго дѣла, Я прошу всемогущаго Бога, да благословитъ дѣянія ваши къ славѣ россійскаго оружія и да и оправдаются тѣмъ счастливыя надежды, которыя отечество на васъ возлагаетъ. Пребывая вамъ всегда благосклонный“.

Въ тотъ же день, 8-го августа, Императоръ *Александръ* въ письмѣ къ сестрѣ Великой Княгинѣ *Екатеринѣ Павловнѣ* слѣдующимъ образомъ изображаетъ обстоятельства этого назначенія: „я нашель, что настроеніе здѣсь хуже, чѣмъ въ Москвѣ и провинціи; сильное озлобленіе противъ военнаго министра (*Барклая*), который, нужно сознаться, самъ тому способствуетъ своимъ нерѣшительнымъ образомъ дѣйствій и безпорядочностью, съ которой ведетъ свое дѣло. Ссора его съ *Багратиономъ* до того усилилась и разрослась, что я былъ вынужденъ, изложивъ всѣ обстоятельства небольшому нарочно собранному мной для этой цѣли Комитету—назначить главнокомандующаго всѣми арміями; взвѣсивъ все основательно, остановились на *Кутузовѣ*, какъ на старѣйшемъ, и дали такимъ образомъ *Беннигсену* возможность служить подъ его начальствомъ; кромѣ того, они еще и очень дружны¹⁾. Кутузовъ вообще въ большомъ фаворѣ у здѣшняго общества и въ Москвѣ“²⁾.

Признавъ здѣсь лично ошибки *Барклая* и объясняя ихъ главнымъ образомъ его нерѣшительностью, Императоръ Александръ,

¹ Остается неизвѣстнымъ откуда установилось у Государя мнѣніе объ этой дружбѣ, во всякомъ случаѣ оказавшейся непрочной.

Вел. Кн. Николай Михайловичъ: Переписка Императора Александра съ сестрой Вел. Кн. Екатериной Павловной.

считавшій *Беннигсена* болѣе другихъ подходящимъ для главнаго командованія, признаетъ весьма важнымъ участіе *Беннигсена* въ руководствѣ операціями, на что, по мнѣнію Государя, *Беннигсенъ* можетъ разсчитывать въ силу его дружбы съ *Кутузовымъ*, что въ дѣйствительности однако не оправдалось, частью по недоброу *Кутузова* къ *Беннигсену* и главнымъ образомъ по противодействию тому ревниваго къ своему значенію и положенію генералъ-квартимейстера арміи полковника *Толя*.

Позднѣе, уже 18-го сентября, въ письмѣ къ той же Великой Княгинѣ *Екатеринѣ Павловнѣ* Императоръ *Александръ* такъ изображаетъ обстоятельства назначенія общаго главнокомандующаго:

„Можно ли требовать большаго отъ человѣка, когда онъ поступаетъ согласно своему убѣжденію? этимъ убѣжденіемъ я только и руководился; оно заставило меня назначить *Барклая* главнокомандующимъ 1-ой арміи въ виду репутаціи, которую онъ заслужилъ во время войнъ съ французами и шведами. Наконецъ то же убѣжденіе заставило меня думать, что по познаніямъ своимъ онъ стоитъ выше *Багратіона*. Крупныя ошибки, сдѣланныя послѣднимъ въ эту кампанію, послужившія отчасти причиной нашихъ неудачъ, поддерживали во мнѣ это убѣжденіе, и я больше, чѣмъ когда-либо, считалъ его неспособнымъ командовать соединенными арміями подъ *Смоленскомъ*. Хотя я не былъ особенно доволенъ дѣйствіями *Барклая*, но все-таки я считаю его лучшимъ стратегомъ, чѣмъ *Багратіонъ*, который о стратегіи понятія не имѣетъ. Наконецъ въ то время въ силу того же убѣжденія я не имѣлъ въ виду никого лучшаго.

...Мой адъютантъ *Кутузовъ* сказалъ, что въ арміи считаютъ *Барклая* и *Багратіона* одинаково неспособными командовать такими большими массами и что желали бы видѣть во главѣ арміи—*Петра Палена*. Не говоря уже о его другихъ отрицательныхъ качествахъ, вспомните только, что болѣе 18—20 лѣтъ не видѣлъ онъ непріятеля и что послѣдній разъ, когда онъ участвовалъ въ бою, онъ былъ только бригаднымъ генераломъ. Могъ ли я положиться на этого человѣка и гдѣ доказательства его военныхъ дарованій?

Въ *Петербургѣ* я увидѣлъ, что рѣшительно все были за назначеніе главнокомандующимъ старика *Кутузова*; это было общее желаніе. Зная этого человѣка, я вначалѣ противился его назначенію, но когда *Ростопчинъ* письмомъ отъ 5-го августа сообщилъ мнѣ, что вся *Москва* желаетъ, чтобы *Кутузовъ* командовалъ арміей, находя, что *Барклай* и *Багратіонъ* оба неспособны на это, а тѣмъ временемъ и когда, какъ нарочно, *Барклай* надѣлалъ подъ *Смоленскомъ* рядъ глупостей, мнѣ оставалось только усту-

пить единодушному желанію и я назначилъ Кутузова. Я и теперь думаю, что при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ мы тогда находились, изъ трехъ генераловъ, одинаково неспособныхъ для роли главнокомандующаго, я долженъ былъ остановить свой выборъ на томъ, на кого указывалъ общій гласъ¹⁾.

Наконецъ, уже значительно позже, 24 ноября Императоръ Александръ удостоилъ Барклая отвѣтомъ на его письмо, и обстоятельства назначенія Кутузова изложены въ этомъ письмѣ слѣдующимъ образомъ:

„Потеря Смоленска произвела огромное моральное впечатлѣніе во всей Имперіи. Къ общему неодобренію нашего плана кампаніи присоединились еще и упреки; говорили: „опытъ покажетъ, насколько гибеленъ этотъ планъ, Имперія находится въ неминуемой опасности“, и такъ какъ Ваши ошибки, о которыхъ я выше упомянулъ, были у всѣхъ на устахъ, то меня обвиняли въ томъ, что благо Отечества я принесъ въ жертву своему самолюбію, желая поддержать сдѣланный въ Вашемъ лицѣ выборъ. Москва и Петербургъ единодушно указывали на князя Кутузова, какъ на единственнаго человѣка, могущаго, по ихъ словамъ, спасти отечество. Въ подтвержденіе этихъ доводовъ говорили, что по старшинству Вы были сравнительно моложе Тормасова, Багратиона и Чичагова; что это обстоятельство вредило успѣху военныхъ дѣйствій и что это неудобство высокой важности будетъ вполне устранено съ назначеніемъ князя Кутузова. Обстоятельства были слишкомъ критическія. Впервые столица Государства находилась въ опасномъ положеніи и мнѣ не оставалось ничего другого, какъ уступить всеобщему мнѣнію, заставивъ все-таки предварительно обсудить вопросъ за и противъ въ совѣтѣ, составленномъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ Имперіи. Уступивъ ихъ мнѣнію, я долженъ былъ заглушить мое личное чувство. Мнѣ только остается сохранить Вамъ возможность доказать Россіи и Европѣ, что Вы были достойны моего выбора, когда я Васъ назначилъ главнокомандующимъ. Я предполагалъ, что Вы будете довольны остаться при арміи и заслужить своими воинскими доблестями, что вы и сдѣлали при Бородинѣ, уваженіе даже Вашихъ хулителей“²⁾.

¹ Великій Князь Николай Михайловичъ. Переписка Императора Александра съ сестрой Вел. Кн. Екатериной Павловной.

² Вел. Кн. Николай Михайловичъ. Та же переписка.

8-го августа, послѣ обѣда, Императоръ Александръ приказалъ *Кутузову* приѣхать на Каменный Островъ и объявилъ ему о состоявшемся его назначеніи. Отъ Государя *Кутузовъ* поѣхалъ прямо въ Казанскій соборъ, гдѣ, какъ рассказываетъ его первый исторіографъ, „снявъ мундиръ, ордена, знаки отличія и украшенія, молился передъ иконою Божьей матери со слезами и на колѣняхъ“.

На слѣдующій день, 9-го августа, *Кутузовъ* съ женой молился въ церкви Владимірской Божьей матери, „что въ придворныхъ слободахъ“. 10-го августа, наканунѣ отъѣзда къ арміямъ, *Кутузовъ* сдаетъ дѣла по начальствованію Петербургскимъ ополченіемъ, заканчиваетъ послѣдніе сборы и одновременно уже распоряжается по должности главнокомандующаго, рапортуетъ Государю, сносится съ графомъ *Ростопчинымъ*, управляющимъ военнымъ министерствомъ княземъ *Горчаковымъ*, ген. *Эртелемъ*, графомъ *Орловымъ* и другими должностными лицами, а губернаторовъ—*Кологривова*, барона *Аша* и *Сумарокова* проситъ о заготовкѣ ему лошадей; изъ сношеній видно, что *Кутузовъ* беретъ съ собой чиновниковъ (офицеровъ) ополченія: *Казначеева*, *Хвостова*, *Сомова* и *Данилевскаго*.

11-го *Кутузовъ* выѣзжаетъ въ армію. Въ 9 часовъ утра онъ садится въ карету, около дома его на Дворцовой набережной толпы народа вынуждаютъ его ѣхать шагомъ, изъ толпы ему шлютъ пожеланія счастливаго пути и побѣды. По пути *Кутузовъ* посѣщаетъ Казанскій соборъ, гдѣ, стоя на колѣняхъ, выслушиваетъ молебствіе, цѣлуетъ крестъ и послѣ окропленія святой водой возлагаетъ на себя поданный ему образъ Казанской Божьей матери ¹⁾ и, выходя изъ церкви, успѣвшей наполниться толпами народа, обращается къ священникамъ со словами: „молитесь, ибо посылаютъ меня на великое дѣло“.

Думалъ ли тогда кто-нибудь, что *Кутузову* оставалось жить 8 всего мѣсяцевъ и что черезъ 9 мѣсяцевъ въ тотъ же соборъ для погребенія будетъ доставлено тѣло его.

По свидѣтельству одного изъ его біографовъ—*Синельникова*, *Кутузовъ* всю дорогу держалъ въ рукахъ карту театра войны, изучалъ его и твердилъ: „Господи! донеси меня здороваго до мѣста моего назначенія, сохрани армію до того времени въ цѣлости! объ

¹⁾ „Въ маломъ медальонѣ, украшенномъ золотой ризой“, добавляетъ историкъ его („анекдоты о *Кутузовѣ*“): „принявъ сей честный даръ, маститый герой возложилъ его на себя; въ семь мѣстъ запечатлѣлъ онъ въ чувствахъ своихъ клятву, что первая добыча, отнятая у непріятели, будетъ украшеніемъ сего храма, что и не приминулъ исполнить“.

одномъ молю, благоволи мнѣ застать еще *Смоленскъ* въ нашихъ рукахъ и врагу Россіи не бывать тогда въ первопрестольномъ градѣ ея“.

На первой станціи, въ *Ижорѣ*, отъ проѣзжаго курьера, по данному ему праву вскрывать бумаги изъ арміи, *Кутузовъ* узнаеть о паденіи *Смоленска* и говоритъ: „Ключъ въ *Москву* взять!“, а вечеромъ встрѣчаетъ на пути въ *Петербургъ* Великаго Князя *Константина Павловича*, отъ котораго узнаеть подробности паденія *Смоленска*.

Съ дороги *Кутузовъ* посылаетъ приказы, отзывы, запросы и другія подобныя распоряженія въ цѣляхъ оповѣщенія о своемъ назначеніи, ориентированіи высшихъ властей своими личными воззрѣніями на положеніе дѣлъ и важнѣйшими мѣропріятіями, равно съ цѣлью отдать себѣ отчетъ въ силахъ и средствахъ возможнаго усиленія арміи (затребовавъ свѣдѣнія о рекрутскихъ депо, новыхъ формированіяхъ регулярной арміи и ополченій) и въ цѣляхъ ускорить всѣ формированія и вообще приготвленія и намѣтить пункты сосредоточенія всѣхъ этихъ создаваемыхъ силъ и средствъ ¹⁾.

Кутузовъ уже съ первыхъ дней пути оцѣниваетъ общее положеніе дѣлъ и въ его головѣ совершенно опредѣленно складывается ближайшая цѣль дѣйствій и соотвѣтствующія неотложныя и важнѣйшія мѣропріятія. „*Время и обстоятельства подвинутъ какую-либо сторону къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ*“, пишетъ *Кутузовъ* съ пути и 11-го августа командиру резервныхъ войскъ *Милорадовичу*, „нынѣшній предметъ состоитъ въ прегражденіи непріятеля въ *Москву*“ и далѣе наставляетъ *Милорадовича* мѣстомъ сосредоточенія этихъ подкрѣпленій, дабы они „не замедлили поддержать и усилить отступающую къ *Москвѣ* главную армію“.

12-го вечеромъ *Кутузовъ* прибываетъ въ *Крестцы*; все это время продолжается непрерывно его распорядительная дѣятельность.

Двигаясь безостановочно, *Кутузовъ* 13-го уже на пути въ *Вышній-Волочокъ*, куда прибываетъ утромъ 15-го и гдѣ встрѣчаетъ барона *Беннигсена*, возвращающагося изъ арміи въ *Петербургъ* съ новыми обличеніями *Барклая* и не безъ тайной надежды получить главное командованіе. *Кутузовъ* сообщаетъ ему свое назначеніе и волю Государя, чтобы онъ—*Беннигсенъ* принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Беннигсенъ въ своихъ воспоминаніяхъ ²⁾ говоритъ, что *Кутузовъ* отговорилъ его отъ намѣренія все же проѣхать въ *Петер-*

¹⁾ Журн. исходящ. бумагъ *Кутузова*. Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. шт.

²⁾ Рус. Стар. 1909 г., стр. 492.

бургъ, представиться Государю и повидаться съ семьей. „Изъ чувствъ самолюбія и честолюбія“, говоритъ *Беннигсенъ*, „мнѣ было непріятно служить подъ начальствомъ другого“ и далѣе говоритъ о своихъ заслугахъ въ борьбѣ съ Наполеономъ въ войну 1806 и 1807 годовъ, „но я заглушилъ въ себѣ эти чувства“, добавляетъ *Беннигсенъ*.

Кутузовъ пригласилъ *Беннигсена* въ армію, исполняя волю Государя, но со свойственной ему проницательностью прекрасно понималъ, что *Беннигсенъ* дѣлалъ мысль, въ случаѣ чего, стать на мѣсто *Кутузова*, что и предусматривало пріуготовленная ему должность „начальника штаба надъ всѣми арміями“, и едва-ли *Кутузовъ* рассчитывалъ на его полное и искреннее ему—*Кутузову* содѣйствіе.

Изъ *Вышняго-Волочка* *Кутузовъ* имѣлъ намѣреніе направиться въ *Вязьму*, хотя по свѣдѣніямъ земскаго исправника непріятельскіе развѣзды были уже недалеко *Вязьмы*, что отвѣчало дѣйствительности, такъ какъ 15-го арміи уже оставили *Вязьму* позади. Извѣстіе это поразило *Кутузова*, не представлявшего себѣ столь быстрого отступленія и столь быстрого хода событій, и *Кутузовъ* ускорилъ свою поѣздку, выѣхавъ въ тотъ же день въ *Торжокъ*.

Прибывъ еще 15-го въ *Торжокъ*, *Кутузовъ* сообщаетъ *Барклаю*, что онъ въ тотъ же день выѣзжаетъ далѣе, въ *Старицу*, и проситъ: „Ежели что до пріѣзда моего можетъ случиться, то симъ трактомъ прошу увѣдомить“. Къ вечеру *Кутузовъ*, свернувъ теперь уже на смоленскую дорогу, выѣзжаетъ въ *Старицу*, куда и прибываетъ рано утромъ 16-го ¹⁾. 16-го же *Кутузовъ* выѣхалъ изъ *Старицы* въ *Зубцовъ*, гдѣ имѣлъ ночлеги.

На протяженіи всего пути распорядительная дѣятельность *Кутузова* не прекращается.

Торопясь въ армію, *Кутузовъ* въ 8 часовъ вечера и уже изъ *Зубцова* пишетъ *Барклаю*: „настоящее дождливое время препятствуетъ мнѣ быть завтра къ обѣду въ армію, но едва только съ малымъ разсвѣтомъ сдѣлается возможнымъ мнѣ продолжать мою дорогу, то я надѣюсь съ 17-го на 18-ое быть непременно въ главной квартирѣ. Сіе, однако, короткое замедленіе ни въ чемъ не препятствуетъ В. В. производить въ дѣйствіе предпринимаемый вами

¹⁾ Такъ слѣдуетъ по письмамъ *Кутузова*, съ пути, къ *Барклаю*, а историкъ *Мих.-Данилевскій* говоритъ, что 15-го *Кутузовъ* прибылъ въ *Вышній-Волочокъ*, а 16-го въ *Торжокъ*, тогда какъ у насъ есть письма *Кутузова* изъ *Торжка*, помѣченныя 15-мъ. Тотъ же *Мих.-Данилевскій* утверждаетъ, что 16-го въ *Торжкѣ* *Кутузовъ* встрѣтилъ *Беннигсена* и *Ифуля*, а *Беннигсенъ* утверждаетъ, что эта встрѣча состоялась въ *Вышнемъ-Волочкѣ*.

планъ до прибытія моего“. Весьма характерно это предоставленіе Кутузовымъ Барклаю свободы дѣйствій до своего личнаго прибытія.

Рано утромъ 17-го *Кутузовъ* выѣзжаетъ изъ *Зубцова* и къ 11-ти часамъ утра находится уже въ виду *Гжатска*, и почти одновременно обѣ арміи выступаютъ изъ с.с. *Федоровскаго* и *Максимовки* и въ теченіе утра исполняютъ переходъ къ *Цареву-Займищу*, гдѣ и располагаются вблизи подготовляемой къ бою позиціи.

Въ приказѣ по арміи объявлено о прибытіи сего 17-го августа къ арміи „его свѣтлости князя Кутузова-Голенищева“.

Въ началѣ полудня *Кутузовъ*, находившійся уже въ 5-ти верстахъ отъ г. *Гжатска*, былъ встрѣченъ множествомъ вышедшихъ ему навстрѣчу жителей, которые выпрягли лошадей его кареты и везли ее на себѣ до приготовленнаго для него дома купца *Церевитинова*.

Въ *Гжатскѣ* *Кутузовъ*, по свидѣтельству его біографовъ ¹⁾, увидя первый встрѣтившійся полкъ, обратился къ нему съ восклицаніемъ: „Боже! кто бы могъ меня увѣрить, что когда-либо врагъ нашъ могъ сражаться на штыкахъ съ такими молодцами, какъ вы, братцы!“, и подарилъ полку 150 рублей ²⁾.

Слова эти быстро распространились по арміи.

Въ *Гжатскѣ* *Кутузовъ* занялся разрѣшеніемъ важнѣйшихъ и неотложныхъ вопросовъ и въ числѣ таковыхъ тутъ же отвѣтилъ на только что полученное имъ здѣсь письмо графа *Ростопчина*, которому писалъ, что, не видѣвшись еще съ *Барклаемъ* и *Багратиономъ* и не ознакомившись еще съ силами и средствами арміи, онъ не можетъ ему сообщить ничего определеннаго (положительнаго) о планѣ предстоящихъ дѣйствій и далѣе выдвигаетъ важнѣйшее положеніе въ формѣ вопроса: „не рѣшенъ еще вопросъ—потеря ли армію или потеря Москву“? А далѣе тутъ же высказываетъ и свое личное мнѣніе: „по моему мнѣнію съ потерей Москвы соединена потеря Россіи“.

„Теперь я обращаю все свое вниманіе на приращеніе арміи“, заканчиваетъ *Кутузовъ* это свое высокой важности откровеніе графу *Ростопчину*. Далѣе, въ томъ же письмѣ, *Кутузовъ*

¹⁾ „Анекдоты о Кутузовѣ или достопамятныя сказанія“ и пр. 1814 г

²⁾ Это обращеніе, видоизмѣняемое историками, отнесено къ приему почетнаго караула. Извѣстно также въ обращеніи солдатское присловіе: „пріѣхалъ Кутузовъ—бить французовъ“.

просить возможнаго содѣйствія графа *Ростопчина* по вопросу о вооруженіи „Московской военной силы“.

Такимъ образомъ *Кутузовъ* еще только ориентуруется и осматривается въ сложной обстановкѣ середины августа войны 1812 г., озабочиваясь пока только усиленіемъ арміи. Неизвѣстнымъ остается искренность заявленія, что „съ потерей Москвы соединена потеря Россіи“, чему противорѣчитъ его заявленіе въ *Филлахъ*, или же *Кутузовъ* такъ говорилъ *Ростопчину* для вѣрнѣйшаго его успокоенія и ввѣренной ему столицы, какъ бы устраняя самую мысль о возможности уступленія арміею *Москвы*, въ чемъ усматриваемъ только мудрость *Кутузова*.

Послѣ полудня *Кутузовъ* выѣхалъ въ *Царево-Займище*, гдѣ свидѣлся съ главнокомандующими, принялъ почетный караулъ и, наскоро пообѣдавъ, отправился верхомъ въ армію и объѣхалъ войска, которыми былъ встрѣченъ восторженно.

„День былъ пасмурный“, свидѣтельствуешь очевидецъ *Щербилинъ*, „но сердца наши прояснились“.

Разсказываютъ, что, подъѣзжая къ войскамъ и видя часть, люди которой суетились, чистились, строились и выравнивались, *Кутузовъ* направился къ части, не ожидая окончанія ея приготовленій, и обратился къ людямъ со словами: „не надо ничего этого, я пріѣхалъ посмотреть, здоровы ли вы, дѣти мои; солдату въ походѣ не до щегольства, ему надобно отдыхать послѣ трудовъ и готовиться къ побѣдѣ ¹⁾“.

Появленіе *Кутузова* среди войскъ и его особое, въ духѣ Суворова, обращеніе и отношеніе, вызвало радостное возбужденіе и особый подъемъ духа. „Вотъ пріѣхалъ отецъ, всѣ нужды наши знаетъ, какъ не подражаться съ французомъ на его глазахъ, всѣ до одного рады головы положить!“

И *Кутузовъ* понялъ настроеніе арміи и умѣло подымалъ дальѣе ея духъ. „Армія въ полномъ духѣ“, писалъ онъ женѣ, „духъ въ арміи чрезвычайный, хорошихъ генераловъ много, я полонъ надежды“.

Объѣхавъ позицію, *Кутузовъ*, по словамъ *Барклая*, нашелъ ее будто бы сильной, изъявилъ будто бы согласіе дать на ней генеральное сраженіе и приказалъ ускорить постройку укрѣпленій.

Казалось, что наступило наконецъ время рѣшительнаго сраженія и именно здѣсь, такъ казалось и не одному *Барклаю*, а мно-

гимъ въ арміи, которая въ этотъ день уже не получила приказанія продолжать дальнѣйшее отступленіе на слѣдующій день. На 18-ое приказано арміямъ оставаться на мѣстѣ, но 18-го, въ полдень внезапно послѣдовало приказаніе отойти къ *Гжатску* и *Ивашиково* 2-му корпусу, всей II-ой арміи, части артиллеріи и всѣмъ обозамъ.

Стало несомнѣннымъ, что *Кутузовъ* рѣшилъ продолжать отступленіе.

Положеніе *Кутузова* ко времени принятія имъ главнаго командованія нашими арміями было чрезвычайно трудно по причинамъ близости противника къ *Москвѣ*, огромнаго превосходства противника главной арміи и поздняго его назначенія главнокомандующимъ, когда спасеніе *Москвы* было почти безнадежно.

Трудность положенія *Кутузова* была обусловлена прежде всего и главнымъ образомъ огромнымъ превосходствомъ противника во всѣхъ смыслахъ.

Обѣ противныя арміи, будучи первоклассными тогда въ Европѣ, были равны только по духу, но неравны по основамъ своихъ учрежденій и по боевой подготовкѣ въ широкомъ и тѣсномъ значеніи слова.

Французская армія опиралась на новыя военныя учрежденія, обеспечивавшія ей полное и высшее развитіе военнаго искусства, десятки лѣтъ вела на новыхъ началахъ рядъ побѣдоносныхъ войнъ и была руководима величайшимъ полководцемъ всѣхъ временъ и народовъ.

Русская армія со временъ Императора Павла отошла во многомъ отъ таковыхъ же учрежденій Великаго Петра и продолжателей его началъ,—*Румянцева*, *Потемкина* и *Суворова*—и во многомъ восприняла учрежденія и военную систему, исходившую изъ свойствъ вербовочныхъ армій запада, уступала французской въ боевой подготовкѣ арміи въ широкомъ значеніи слова и въ тактической подготовкѣ въ частности и, наконецъ, уступала въ управленіи войсками по сравненію съ таковымъ величайшимъ гениемъ.

Говоря объ учрежденіяхъ и военной системѣ, слѣдуетъ указать на господство тогда у насъ линейной тактики и теоріи пассивныхъ позицій и связанной съ ними излишней въ высшей инстанціи централизациею управленія войсками.

Помимо этихъ столь важныхъ данныхъ превосходства противника, онъ превосходилъ насъ и численно, и тогда какъ *Кутузовъ*, на случай генеральнаго передъ *Москвой* сраженія, могъ бы сосредоточить со всѣми ожидаемыми имъ подкрѣпленіями наибольшее

115.000—120.000 человекъ, изъ коихъ только 90.000 старыхъ солдатъ и 30.000 рекрутовъ и ополченцевъ, Наполеонъ могъ сосредоточить до 150.000 человекъ старыхъ испытанныхъ и отборныхъ войскъ (Подъ *Бородинымъ* *Наполеонъ* имѣлъ болѣе 130.000, имѣя остальныя войска въ *Смоленскѣ* и на маршѣ къ *Бородину*)¹⁾.

Помимо всѣхъ невыгодъ условій силы, трудность положенія *Кутузова* обусловлена была еще *всѣми невыгодами его поздняго назначенія*, когда, кромѣ боя, положеніе дѣлъ уже ничѣмъ не могло быть исправлено, и также *несовершенствами организаціи верха арміи*, при которой *Кутузовъ* не имѣлъ въ органахъ управленія (въ старшихъ начальникахъ) вполнѣ гибкихъ и послушныхъ орудій, какъ то было въ арміи его геніальнаго противника.

Сравненіе власти и положенія во главѣ своихъ армій *Наполеона* и *Кутузова* является болѣе чѣмъ не въ пользу послѣдняго. Наполеонъ императоръ и вмѣстѣ полководецъ, безграничный авторитетъ, соединяя неограниченную власть, имѣлъ въ своемъ начальникѣ штаба и маршалахъ—корпусныхъ командирахъ гибкіе, безусловныя и послушныя органы и единицы управленія, проявлявшія свое личное только въ искусномъ исполненіи его предначертаній. *Кутузовъ*, по существу, главнокомандующій только двумя „западными“ арміями, невольно долженъ былъ считаться и сообразоваться съ положеніями своего начальника штаба и обоихъ главнокомандующихъ, и каждый изъ троихъ считалъ, что именно ему по праву принадлежало главное командованіе: *Беннигсенъ*, бывшій также главнокомандующимъ въ 1807 году, считалъ, что онъ одинъ изъ всѣхъ русскихъ генераловъ могъ съ успѣхомъ вести борьбу съ Наполеономъ, и что только близорукость и несправедливость общественнаго мнѣнія отняла у него командованіе въ 1812 году; глубоко оскорбленный, *Барклай* считалъ, что низведенъ съ главнаго командованія интригами, недоброжелательствомъ къ нему и непониманіемъ его заслугъ страной и арміею, и князь *Багратионъ* считалъ, что именно ему, по заслугамъ, славному боевому прошлому и старшинству—одному принадлежало главное командованіе.

Въ начальникѣ своего штаба—*Беннигсенъ*, бывшемъ по положенію самымъ близкимъ его помощникомъ, *Кутузовъ* имѣлъ тайнаго недоброжелателя и не могъ рассчитывать на его искреннее и полное содѣйствіе и сотрудничество, а оскорбленный своимъ подчиненіемъ *Барклай* будировалъ и сталъ сразу въ непріязненное отношеніе къ *Кутузову*, его окружающимъ и всѣмъ его мѣропріятіямъ

Итальянская дивизія *Лино* пришла къ *Бородину* вечеромъ дня сраженія, а въ *Смоленскѣ* оставалась гвардейская дивизія *Делаборда*.

со всей страстностью и субъективностью глубоко уязвленного человека.

Умаленный въ своемъ званіи и положеніи главнокомандующаго, преисполненный чувства острой обиды и горечи, *Барклай*, отнынѣ какъ бы опальный и неудачникъ и чуть ли не измѣнникъ въ глазахъ арміи и всей Россіи, естественно становится въ натянутое и враждебное положеніе со всѣми окружающими новаго главнокомандующаго, и забывъ всѣ неурядицы въ арміяхъ со времени ихъ соединенія у *Смоленска*, видитъ отнынѣ все происходящее лишь въ мрачномъ свѣтѣ и не щадитъ въ глазахъ Государя въ составленномъ имъ для личнаго пользованія Государя трудѣ, ни *Кутузова*, ни его близкихъ окружающихъ. „Тогда оказались“, пишетъ *Барклай*, „первые признаки духа пристрастій, безпорядковъ, пронырствъ, ежедневно умножавшихся въ послѣдствіи времени и приближавшихъ армію къ гибели. Вскорѣ по прибытіи князя *Кутузова* окружила его толпа праздныхъ людей, въ томъ числѣ находились многіе, высланные мною изъ арміи. Полковникъ князь *Кудашевъ*, отличившійся съ самаго начала отъ прочихъ, какъ все дѣлающій и намѣревающійся командовать арміею отъ имени *Кутузова* и компаніи. За нимъ слѣдовалъ полковникъ *Кайсаровъ*, что въ качествѣ наперсника и свод . . . имѣлъ не менѣе права на командованіе арміею. Съ перваго дня каждый имѣлъ уже своихъ приверженцевъ“.

Ко всѣмъ этимъ трудностямъ положенія *Кутузова* слѣдуетъ прибавить еще извѣстную неполноту его власти и нерасположеніе къ нему Государя.

Итакъ *Кутузову* приходилось бороться и считаться съ гениемъ Наполеона, огромнымъ превосходствомъ его арміи во всѣхъ смыслахъ, мириться съ невыгодами его, *Кутузова*, поздняго назначенія, считаться съ непріязненнымъ къ нему отношеніемъ и особымъ положеніемъ *Барклая* и *Беннигсена*, считаться съ желаніями Государя и общественнымъ мнѣніемъ страны и арміи, требовавшими во что бы то ни стало рѣшительнаго сраженія.

„*Кутузовъ* принялъ начальство надъ арміями“, свидѣтельствуется всегда рѣзкій въ своихъ отзывахъ *Ермоловъ*“, и если единогласіе не могло совершенно прекратить несогласія между командующими арміями, по крайней мѣрѣ, оно было уже безвредно и продолжалось подъ лучшими формами. Но возродило оно ощутительнымъ образомъ въ каждомъ изъ подчиненныхъ надежду на прекращеніе отступленія, большую степень порядка и успѣха“.

Дѣятельность *Кутузова* въ первый день по принятіи главнаго командованія заключалась въ ориентированіи общимъ положеніемъ дѣлъ, въ ознакомленіи съ общими условіями неизбѣжно предстоящаго и долженствовавшаго рѣшить судьбу Москвы генеральнаго сраженія, въ приказаніи развѣдки мѣстности у *Гжатска* и въ различныхъ административныхъ мѣропріятіяхъ по вопросамъ пополненія арміи,—ея снабженія и искорененія было начавшагося, по недостаткамъ довольствія, мародерства въ арміи.

Что касается до важнаго рѣшенія, гдѣ именно встрѣтитъ французскую армію, здѣсь ли—у *Царева-Займища* или гдѣ либо, отходя далѣе, то очевидно, что *Кутузовъ* до времени, до полнаго своего ознакомленія со всѣми условіями состоянія и положенія арміи и противника, сохранялъ себѣ свободу рѣшенія и дѣйствія, и изъ письма его *графу Ростопчину* утромъ этого же дня изъ *Гжатска* не видно даже намека на принятіе сраженія здѣсь—у *Царева-Займища*, скорѣе напротивъ, между строкъ читается возможность отхода на прибывающія по московской дорогѣ подкрѣпленія. Вечеромъ *Кутузовъ* переѣзжаетъ въ д. *Старая* ¹⁾.

На слѣдующій день 18-го арміи съ утра продолжаютъ оставаться на отдыхѣ, и утромъ же *Кутузовъ* въ своемъ первомъ приказѣ по арміямъ объявляетъ о Высочайшемъ врученіи ему предводительства надъ тремя западными и бывшей Молдавской арміями. „Прибывъ лично нынѣ къ первымъ двумъ, отнынѣ всѣ впередъ донесенія отъ нихъ Его Императорскому Величеству Государю Императору“, объявляетъ онъ далѣе, „не иначе восходить будутъ, какъ черезъ меня повергаемая. Власть каждаго изъ гг. главнокомандующихъ арміею остается при нихъ на основаніи учрежденія большихъ дѣйствующихъ армій“. Здѣсь же объявлено назначеніе *Беннигсена* начальникомъ Главнаго Штаба арміи.

Въ полдень того же дня 18-го *Кутузовъ* неожиданно для арміи приказываетъ упомянутой части ея перейти къ *Гжатску* и *Иваново*, что окончательно открыло рѣшеніе его продолжить отступление.

Этотъ приказъ объ оставленіи части арміи *Царева-Займища* поразилъ *Барклая*, какъ громомъ, и повергъ его въ смущеніе, перешедшее въ негодованіе; теперь у него отнималась надежда, что ему принадлежала идея и рѣшеніе предстоящаго сраженія, что въ предстоящемъ сраженіи ему принадлежалъ по крайней мѣрѣ выборъ

¹⁾ Между *Царево-Займище* и г. *Гжатскомъ*.

мѣста и времени сраженія и инженерная подготовка поля сраженія, и теперь у *Барклая* отнималась всякая надежда оправдаться отъ обвиненія, что онъ избѣгалъ сраженія за все время своего командованія, и отнынѣ роль его ограничивалась подчиненнымъ и пассивнымъ положеніемъ.

И въ этомъ оставленіи позиціи у *Царева-Займище Барклай* склоненъ видѣть интригу приближенныхъ *Кутузова князя Кудашева* и *Кайсарова*, которые, говоритъ *Барклай* въ своемъ „изображеніи воен. дѣйствій въ 1812 г.“, „условились замѣтить престарѣлому князю, что по разбитіи (Наполеона яко бы) въ позиціи у *Царева-Займище* слава сего подвига не ему припишется, а избравшему позицію. Причина достаточная для самолюбивца, какимъ былъ князь, чтобы снять армію съ сильной позиціи“.

Если *Барклай* могъ унизиться до стѣпени подобнаго объясненія Государю непринятія *Кутузовымъ* сраженія у *Царева-Займище*, то это можно объяснить только страстями человѣческими, которымъ не былъ чуждъ какъ человѣкъ прежде всего и *Барклай* въ своемъ тяжеломъ состояніи острой обиды и горечи, страстями, приведшими его до потери равновѣсія и всякаго чувства справедливости. *Барклай* болѣе чѣмъ кто-либо могъ тогда искать объясненіе въ этомъ оставленіи *Кутузовымъ Царева-Займище* стремленія *Кутузова* передъ принятіемъ рѣшительнаго сраженія возможно усилить армію, такъ какъ *Барклаю* было извѣстно, что только резервныя (запасныя) войска *Милорадовича* въ числѣ 14.000 ожидались къ 18-му и 19-му августа въ *Гжатскъ*, а что всѣ остальные ожидаемыя и слѣдующія подкрѣпленія, какъ—запасная кавалерія, запасныя артиллерійскія роты, рекрутскіе баталіоны, баталіоны внутренней стражи (гарнизонъ) и московское ополченіе, всѣ эти части могли бы присоединиться къ арміи у *Царева-Займище* при самомъ форсированномъ движеніи не ранѣе 28-го—30-го августа, опаздывая по меньшей мѣрѣ на недѣлю, если бы *Кутузовъ* далъ сраженіе у *Царева-Займище*, тогда какъ, продолжая отступленіе на эти подкрѣпленія и сокращая время ихъ присоединенія, армія получала возможность значительно усилиться передъ рѣшительнымъ сраженіемъ.

Въ резервѣ у *Барклая*, впрочемъ, оставалась намѣченная имъ „на всякій случай“ позиція у *Гжатска*, и онъ ухватился за идею дать здѣсь сраженіе. 18-го *Кутузовъ* съ *Барклаемъ* и *Беннигсеномъ* осматривали эту позицію, и *Барклай* настаивалъ на расположеніи на ней и принятіи здѣсь сраженія, но встрѣтилъ сильную оппозицію въ *Беннигсентъ*. „Нынѣ представилось новое явленіе“, свидѣтельствуеть *Барклай*, „генераль *Беннигсенъ*, гордась похищенной

имъ славою ¹⁾ и почитающій себя первымъ генераломъ на свѣтѣ, сію мысль старался онъ внушить при всякомъ случаѣ и даже мнѣ объявилъ сіе. Все, что не отъ него происходило, или не имъ было предлагаемо, подвергалось осужденію. Съ самой *Вильны* питалъ онъ ко мнѣ злобу, по неудачѣ его происковъ, для полученія нѣкотораго вліянія въ управленіе арміею. Онъ, по обыкновенію, нашелъ *Гжатскую* позицію невыгодной. *Кутузовъ* былъ моего мнѣнія и твердо рѣшился сражаться на семъ мѣстѣ ²⁾. Но въ ночь съ 19-го по 20-е получили мы приказъ продолжать отступленіе“.

Какъ это свидѣтельство *Барклая* о его возобновившихся треніяхъ съ *Беннигсеномъ*, такъ и приведенныя выше тренія его и съ *Багратиономъ* и его отношеніе къ штабу *Кутузова*, все это рисуешь намъ картину нежелательныхъ на верхахъ арміи явленій, но неизбежныхъ при свойственныхъ людямъ всѣхъ положеній страстяхъ.

Около этого же времени огромное значеніе и вліяніе по оперативной части получаетъ у *Кутузова* полковникъ *Толь*, когда-то любимый ученикъ его въ кадетскомъ корпусѣ, и это господство молодого сравнительно годами и опытомъ полковника представляло явленіе также нежелательное при къ тому же излишней его самоувѣренности, властолюбіи, рѣзкости, заносчивости и дурныхъ отношеніяхъ со старшими начальниками. Будучи давно извѣстенъ *Кутузову*, какъ старательный и способный ученикъ, *Толь*, своимъ умѣньемъ импонировать, образованіемъ, характеромъ и дѣятельностью, болѣе другихъ внушалъ къ себѣ довѣріе и занялъ у *Кутузова* немедленно первое мѣсто.

Это зло не было бы велико при децентрализаціи полевого управленія войскъ, когда въ боевыхъ распоряженіяхъ части арміи имѣли бы свободу расположенія и дѣйствій, но при связанной съ линейной тактикой централизаціей управленія войсками въ бою вся распорядительная по оперативной части власть была сосредоточена въ главномъ штабѣ всѣхъ армій, т. е. въ рукахъ *Беннигсена* и *Толя*, а при довѣрїи и расположенїи *Кутузова* къ *Толю*—въ рукахъ сего послѣдняго.

Поздній и крайне спѣшный, такъ сказать экстренный, прїездъ *Кутузова* въ армію и невозможность заблаговременно и основательно образовать себѣ штабъ и наладить его дѣятельность не

¹⁾ Рѣчь идетъ о сраженїи подъ *Пултускомъ*, и замѣчаніе *Барклая* конечно справедливо.

²⁾ Это рѣшеніе *Кутузова* сомнительно и могло лишь казаться *Барклаю* при манерѣ *Кутузова*, не любившаго спорить, какъ бы молчаливо соглашаться; а можетъ быть впрочемъ, что тогда *Кутузовъ*, еще не рѣшился на дальнѣйшее за *Гжатскъ* отступленіе,

могли не повліять на правильную, вполнѣ соответственную и нормальную службу этого штаба.

Препятствіемъ въ нѣкоторой степени къ правильной боевой дѣятельности арміи служила также несоразмѣрность состава обѣихъ армій, такъ какъ первая заключала въ себѣ 11 единицъ управленія (6-ть пѣхотныхъ, 3 кавалерійскихъ корпуса, казачья масса *Платова* и резервная артиллерія), а вторая армія—4 единицы управленія, но составъ армій, оказавшійся, по соединеніи ихъ, неудобнымъ, не могъ быть измѣненъ, какъ Высочайше утвержденный, и если бы *Кутузовъ* взялъ это на себя и переорганизовалъ бы армію въ три частныхъ армій, то это несомнѣнно вызвало бы сопротивленіе и новую обиду *Барклая*, который усмотрѣлъ бы здѣсь новое свое умаленіе и уничиженіе, такъ какъ при этой реорганизаціи число войскъ въ арміи *Барклая* было бы уменьшено значительно.

Распорядительная дѣятельность *Кутузова* въ день 18-го августа заключала въ себѣ разрѣшеніе разнаго рода вопросовъ административнаго характера, клонившихся къ возможному усиленію арміи. Прежде всего были имъ приняты мѣры по возвращенію въ строй разнаго рода людей, вольно и невольно отбившихся отъ строя, и таковыхъ въ этотъ день собрано до 2.000 человекъ, немедленно возвращенныхъ въ строй, а затѣмъ *Кутузовъ* принялъ рядъ строгихъ мѣръ, дабы явленіе это не повторялось.

Усиленіе численности частей пѣхоты запасными войсками *Милорадовича* (14.000) началось уже съ вечера этого дня у *Гжатска*, куда эти войска прибыли.

Кутузовъ полагалъ еще усилиться формированіями князя *Лобкова* и *Клейнмихеля*, считая ихъ достаточно зрѣлыми, и приказалъ первому направить изъ *Костромы*, *Владимира*, *Рязани*, *Тамбова*, *Ярославля* и *Воронежа*, изъ cadaго по 2 полка, къ *Москвѣ*, а *Клейнмихелю* приказалъ направить 9-ый и 10-ый полки также къ *Москвѣ*, а 11-ый изъ *Твери*, 12-ый и 13-ый изъ *Москвы* и 14-ый изъ *Подольска* къ *Смоленску*, т. е. къ нему навстрѣчу, на *Можайскъ* ¹⁾.

Наконецъ, графу *Моркову* *Кутузовъ* приказалъ направить всѣ части московскаго ополченія, такъ называемой „Московской военной силы“, къ *Можайску*.

¹⁾ Но формированія обонхъ генераловъ, по ихъ незрѣлости, къ арміи не присоединились, войдя въ ея составъ уже въ *Тарутинскомъ* лагерѣ.

18-го числа вся II-ая армія, 2-й корпусъ, артиллерія и всѣ обозы перешли въ *Ивашиково* и частью въ *Гжатскъ*.

Кутузовымъ установленъ окончательно новый составъ арріергардовъ, объединенныхъ въ рукахъ начальника 3-ей дивизіи генераль-лейтенанта *Коновницына*, сохранившаго это командованіе до полудня 24-го августа.

Платовъ, уже было донесшій вечеромъ этого дня, что онъ во исполненіе Высочайшей воли и предписанія Барклая, „хотя и слабъ здоровьемъ, но поспѣшаетъ въ Москву“, оставленъ при арміи¹⁾.

Ознакомившись со всѣми условіями обстановки вообще и въ частности съ качествами ввѣренной ему русской арміи конца августа 1812-го года, *Кутузовъ*, столь равнодушный къ достоинствамъ или недостаткамъ той или другой позиціи, которые онъ и не оспаривалъ, чаще соглашаясь съ докладчикомъ, главное значеніе придавалъ условіямъ силы и наиболѣе—духовной сторонѣ, духовной силѣ арміи и качествамъ старшихъ начальниковъ. Эти положительные факторы качествъ нашей арміи 1812-го года были опредѣлены глазомъ опытнаго и прозорливаго полководца, и въ суммѣ всѣхъ факторовъ успѣха именно имъ придавъ онъ наибольшее значеніе и именно они преисполнили его надеждой на успѣхъ.

Въ лаконическомъ письмѣ къ женѣ въ этотъ день продолженія отступленія, уже подъ его началомъ, *Кутузовъ* столь же характерно, сколь и высоко знаменательно, передаетъ слѣдующія свои объ арміи впечатлѣнія: „Я питаю много надежды, духъ въ арміи чрезвычайный, хорошихъ генераловъ весьма много“.

Такова аттестація, данная *Кутузовымъ* русской арміи въ періодъ подготовки и развитія операціи рѣшительнаго сраженія въ данныхъ условіяхъ—Бородинской операціи, аттестація вождя, опытнаго, дальновиднаго и глубоко-русскаго.

Въ другомъ письмѣ къ женѣ *Кутузовъ* пишетъ: „Я вполне увѣренъ, что съ помощью Бога, который никогда не оставлялъ меня, поправлю дѣла къ чести Россіи.“

Весьма характерна здѣсь надежда *Кутузова* только поправить дѣла къ чести Россіи.

Возвращаясь къ неожиданному для арміи выступленію ея 18-го,

---

¹⁾ Отъѣздъ *Платова* изъ арміи былъ обусловленъ неудовольствіемъ на него Барклая за время командованія имъ арріергардомъ, особенно за дни 13, 14 и 15 августа, но тщательное изслѣдованіе дѣяствій арріергарда въ эти дни приводитъ къ винѣ самого Барклая.

замѣтимъ, что нѣтъ основаній думать, что *Кутузовъ* скрывалъ это намѣреніе отъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ.

Кутузовъ скрывалъ свои намѣренія тогда, когда это было необходимо для обезпеченія успѣха предпріятія, а въ данномъ случаѣ этого не требовалось и тайна не имѣла смысла. Естественнѣе искать объясненіе въ томъ, что *Кутузовъ*, до полнаго ознакомленія со всѣми условіями обстановки, не принималъ еще опредѣленнаго рѣшенія и, давъ арміи нѣкоторый отдыхъ и облегчивъ отходъ спасавшихся жителей, сохранилъ себѣ, до времени, свободу рѣшенія и свободу дѣйствія.

Еще менѣе могли вліять на его рѣшеніе достоинства или недостатки позиціи. *Кутузовъ* не принадлежалъ къ заимствованной отъ западныхъ вербовочныхъ армій школѣ „позиціонной войны“ и, какъ представитель школы *Великаго Петра, Румянцева* и *Суворова*, представитель школы такъ называемыхъ „Екатерининскихъ орловъ“, офицеръ громаднаго опыта побѣдоносныхъ войнъ, менѣе всего въ позиціи могъ искать вѣрное средство обезпечить успѣхъ сраженія.

Ознакомившись въ теченіе дней 17-го и 18-го со всѣми условіями обстановки предстоящаго у *Царева-Займища* или у *Гжатска* сраженія и рассчитавъ отступленіемъ трижды усилиться въ то время, какъ французы параллельно ослабнутъ еще болѣе, *Кутузовъ* нашелъ болѣе выгоднымъ отойти еще на нѣсколько переходовъ назадъ. Всѣ ваши позиціи прекрасны, какъ бы говорилъ *Кутузовъ* на всѣ предложенія, но, ставивъ себѣ цѣлью возможное усиленіе арміи, отходилъ назадъ на подкрѣпленія.

Въ тотъ же день 19-го *Кутузовъ* доноситъ Государю: „Я нашелъ, что многіе полки отъ частыхъ сраженій весьма истощились. Я принялъ намѣреніе недостающее число людей пополнить приведенными вчера (въ *Гжатскѣ*) генераломъ *Милорадовичемъ* и впредь прибыть имѣющими (всего 15.589 чел.), распредѣливъ ихъ по полкамъ. Для еще болѣе удобнѣйшаго комплектованія велѣлъ я изъ *Гжатска* отступить на одинъ маршъ и, смотря по обстоятельствамъ, и еще на другой, дабы присоединить къ арміи, на вышеупомянутомъ основаніи (т. е. пополняя ряды частей войскъ и увеличивая численность войсковыхъ частей) отправляемыхъ изъ *Москвы* въ довольнономъ числѣ ратниковъ; къ тому же мѣстоположеніе при *Гжатскѣ* (значить, рѣчь идетъ уже не о *Царевѣ-Займищѣ*, а о *Гжатскѣ*) нашелъ я по обзорѣнью моему для сраженія весьма невыгоднымъ“.

„Усилясь, такимъ образомъ, какъ черезъ укомплектованіе потерпѣвшихъ войскъ, такъ и черезъ приобщеніе къ арміи нѣкоторыхъ полковъ, формированныхъ княземъ *Лобановымъ-Ростовскимъ*, и части Московской милиціи, въ состояніи буду, для спасенія *Москвы*, отдаться на произволъ сраженія, которое, однако же, принято будетъ со всѣми осторожностями, которыхъ важность обстоятельствъ требовать можетъ“.

Въ письмѣ къ женѣ отъ того же дня *Кутузовъ* говоритъ: „Не будьте же удивлены, что я немного отошелъ назадъ безъ боя: это чтобы усилить себя подкрѣпленіями какъ можно больше“.

Въ директивѣ *Тормасову*, подтверждая и здѣсь мотивъ отступленія: „Предметъ отступленія заключается въ усиленіи насъ такъ, чтобы непріятельскія силы немного насъ превосходили“, *Кутузовъ* далѣе весьма важно и характерно впервые упоминаетъ г. *Можайскъ*, какъ мѣсто сраженія: „Такимъ образомъ ожидать я буду непріятеля на генеральное сраженіе у *Можайска*, уповаю на помощь Всевышняго и храбрость войскъ, нетерпѣливо ожидающихъ сраженія“.

Въ директивѣ *Чичагову* *Кутузовъ*, упомянувъ, что засталъ непріятеля въ самомъ сердцѣ *Россіи*, подъ *Москвой*, добавляетъ: „Настоящій мой предметъ есть спасеніе *Москвы* самой“¹⁾.

Такимъ образомъ, ко дню своего прибытія къ арміи *Кутузовъ*, силой неотвратимыхъ обстоятельствъ вынуждаемый къ генеральному сраженію гдѣ-либо не доходя *Москвы*, первоначальной и важнѣйшей цѣлью ставить—усиленіе арміи, „приращеніе“ ея всѣми возможными силами и способами, иначе—ставить цѣлью сосредоточеніе превосходныхъ силъ передъ рѣшительнымъ и общимъ сраженіемъ и это сосредоточеніе онъ ставитъ на первое мѣсто, выдвигаетъ главнѣйшимъ факторомъ, изъ достиженія котораго исходятъ всѣ остальные и только въ зависимости отъ котораго опредѣляются мѣсто и время этого сраженія, которыя являются въ данныхъ условіяхъ обстановки факторами уже менѣе важными, при чемъ, однако, мѣсто этого сраженія естественно обусловлено расположеніемъ гдѣ-либо не доходя до *Москвы* и что весьма характерно, что уже 10-го *Кутузовъ* указываетъ таковое вблизи *Можайска*.

Итакъ первыя условія—силы, условія же мѣста и времени—по достиженіи перваго.

Оставаясь у *Царева-Займища* и даже у *Гжатска*, *Кутузовъ* рисковалъ принятіемъ сраженія ранѣе усиленія себя всѣми пред-

¹⁾ Курсивъ нашъ.

ставлявшимися силами и средствами, и это усиленіе наилучше осуществлялось путемъ отступленія на всѣ эти прибывшія подкрѣпленія, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшее отступленіе все болѣе и болѣе ослабляло и истощало французскую армію.

Наконецъ, прибывшія и влившіяся въ ряды арміи укомплектованія и вступившія въ ея составъ цѣлыя части требовали времени на *спайку*, слѣдовательно, и это обстоятельство требовало выигрыша времени, что также достигалось отходомъ арміи и выборомъ мѣста сраженія отдаленнаго, насколько то позволять обстоятельства.

У *Можайска* можно было рассчитывать на присоединеніе еще и войскъ „Московской военной силы“.

Исходя изъ всѣхъ этихъ соображеній, нельзя не отдать справедливости *Кутузову*, не потерявшемуся ко времени прибытія къ арміи въ сложной обстановкѣ войны 1812 года и въ сферѣ разнообразныхъ и разнорѣчивыхъ мнѣній и отзывовъ, въ аренѣ страстей и правильно поставившаго *ближайшей и первоначальной цѣлью—усиленіе арміи всѣми возможными средствами и способами*, изъ чего логично вытекалъ выигрышъ времени, достигавшійся продолженіемъ отступленія.

Въ числѣ существенно важныхъ распоряженій дня было установленіе Главнаго Штаба арміи и въ дополненіе назначенія *Беннигсена* начальникомъ этого штаба въ приказѣ дня было объявлено о назначеніи генераль-маіора *Вистицкаго* „генераль-квартирмейстеромъ“ арміи, полковника *Толя*—состоять при *Кутузовѣ* и полковника *Кайсарова*—„дежурнымъ генераломъ“ тѣхъ же арміи, при чемъ касательно послѣдняго добавлено: „приказы, мной отдаваемые, имъ засвидѣтельствованные и объявляемые, принимать, какъ мои собственные“.

Назначеніе г.-м. *Вистицкаго* было лишь, такъ сказать,—формальное, фиктивное, въ виду, вѣроятно, только его старшинства, и вся квартирмейстерская часть и важнѣйшій отдѣлъ ея (служба генеральнаго штаба) былъ объединенъ и сосредоточенъ фактически и всецѣло въ рукахъ полковника *Толя*, равно какъ въ рукахъ полковника *Кайсарова* была сосредоточена вся административная часть вообще и инспекторская въ частности.

Барклай, значеніе котораго еще болѣе умалялось съ этой организаціей высшаго управленія арміями, отнесся къ ней съ порицаніемъ и свидѣтельствуетъ въ своемъ „Изображеніи войны“: Арріергарду предписано непосредственно доносить генералу *Беннигсену* и получать отъ него предписанія. За причисленіемъ *Толя* къ *Кутузову*, 1-ая армія была безъ генераль-квартирмейстера. Всѣ инженерные и квартирмейстерскіе офицеры, піонеры и понтонеры были

отдѣлены отъ корпусовъ и армій, при самихъ командующихъ генералахъ не оставлено квартирмейстерскихъ офицеровъ, могущихъ сообщать имъ нѣкоторыя свѣдѣнія о мѣстоположеніяхъ, дорогахъ и позиціяхъ. Все сіе время было достаточно къ истребленію управленія арміею, устроеннаго по новому учрежденію и къ уничтоженію власти главнокомандующихъ. Но сего еще мало. Войска часто получали повелѣнія отъ *Беннигсена*, *Кайсарова*, *Толя*, *Кудашева*, не только безъ свѣдѣнія о томъ главнокомандующаго арміею, но и корпусныхъ командировъ. Тогда сдѣлались главнокомандующіе арміями совершенно излишними. Въ самой арміи трудно было изслѣдовать, кто въ точности начальствовалъ, ибо очевидно, что князь (*Кутузовъ*) носилъ только имя, подъ коимъ дѣйствовали его сообщники. Сіе устройство возбудило партіи, а отъ оныхъ произошли происки. Сильнѣйшая партія, имѣющая при томъ обширнѣйшее вліяніе, принадлежала князю *Кудашеву*. Хотя армія и не имѣла главнаго свѣдѣнія о присоединеніи его къ обществу начальствующихъ, но въ качествѣ зятя князя *Кутузова* сохранялъ онъ первенство надъ прочими“.

Конечно, *Барклай* въ своихъ обличеніяхъ установившихся порядковъ управленія правъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но несомнѣнно, что онъ излишне страстенъ въ осужденіяхъ и даже пристрастенъ и многое нежелательное было неизбѣжно, какъ несовершенство системы и той борьбы страстей, которая сопровождаетъ всѣ людскія дѣянія и къ которой *Кутузовъ* относился съ философскимъ спокойствіемъ. Помимо общихъ причинъ и частью неизбѣжныхъ, извѣстное неустройство заключалось еще и въ позднемъ назначеніи и пріѣздѣ *Кутузова* въ армію, когда новыя установленія въ новыхъ рукахъ не успѣли еще перебродить, наладиться и образоваться, отчасти и въ нѣкоторой дряхлости и малой подвижности *Кутузова*. Но всѣ эти недостатки выкупались выигрышемъ въ духовномъ отношеніи, въ подъемѣ духа арміи, выкупались той громаднаго значенія данной, которую почтенный *Барклай* въ горечи своего положенія и недостаткѣ прозорливости или не замѣчалъ, или не хотѣлъ видѣть.

Прозорливый *Кутузовъ* естественно не могъ довѣрять *Беннигсену*, котораго онъ взялъ начальникомъ своего штаба только во исполненіе воли Государя, а нерасположеніе къ *Беннигсену* и властолюбиваго *Толя*, приведшее къ умаленію значенія перваго, къ установившимся уже треніямъ на верхахъ арміи прибавило еще новыя.

Полковникъ *Толь*, повидимому, пользовался безграничнымъ довѣріемъ *Кутузова*, довѣріемъ къ его способностямъ, служебному рвенію, исполнительности и знаніямъ, отвѣчавшимъ, впрочемъ, тог-

дашнимъ въ нашей арміи понятіямъ приемовъ и способовъ веденія войны и боя. *Толь* получилъ огромное значеніе, играя первенствующую роль въ подготовкѣ Бородинскаго сраженія и во многомъ и въ его розыгрышѣ.

Толь обладалъ характеромъ, умѣлъ внушать и пользовался достаточнымъ въ арміи довѣріемъ и уваженіемъ, но былъ мало любимъ по своей заносчивости, самомиѣнію и рѣзкости; *Ермоловъ* цѣнилъ въ немъ служебную исполнительность и рвеніе, офицеры же квартирмейстерской части, по преимуществу молодежь, стояли за *Толя* и предпочитали его *Вистицкому*; старшіе же, особенно боевые, опытные не жаловали *Толя* (*Монахтинъ*, *Гавелрдовскій*, *Липранди*). Извѣстный впоследствии военный мыслитель, прусскій офицеръ Генеральнаго штаба—*Клаузевицъ*, близко знавшій *Толя* и часто его сопровождавшій въ поискахъ и развѣдкахъ позицій и расположеній войскъ, совершенно опредѣленно охарактеризовавшій *Кутузова* и *Барклая*, говоритъ много о *Толѣ*, но какъ бы уклоняется дать опредѣленную характеристику *Толя*. Между прочимъ, онъ приписываетъ *Толю* идею уступа при расположеніи армій 9-го, 10-го и 11-го августа на р. *Ужъ* у сел. *Усвятыя*, когда вся II-я армія была поставлена такимъ уступомъ для обезпеченія нашего лѣваго фланга, и утверждаетъ, что „это сочетаніе было излюбленной идеей *Толя*“.

Совершенно опредѣленную характеристику *Толя* даетъ *Беннигсенъ* въ своихъ мемуарахъ. Указавъ, что выборъ Бородинской позиціи принадлежалъ *Толю*, *Беннигсенъ* прибавляетъ: „Служа продолжительное время по квартирмейстерской части, *Толь* прибрѣлъ тотъ навыкъ, который эта служба даетъ всякому мало мальски интеллигентному офицеру, чтобы руководить движеніями нѣсколькихъ колоннъ, но она не даетъ ни надлежащей опытности, ни правильнаго взгляда относительно выбора позиціи и веденія боя, особенно при дѣйствіи противъ такого врага, какъ *Наполеонъ*, и которые нужны, чтобы нести столь видныя и отвѣтственныя обязанности“. Осудивъ выборъ Бородинской позиціи, *Беннигсенъ* говоритъ далѣе: „Офицеръ не виновать, если у него нѣтъ вѣрнаго взгляда на вещи, это можетъ дать ему только время, случай и опытъ, если только онъ не обладаетъ отъ природы выдающимися дарованіями, что бываетъ очень рѣдко (*Беннигсенъ* таковыхъ дарованій у *Толя*, слѣдовательно, не признаетъ). Но я скажу, что офицеръ виновать, если *самодовольство* и *самолюбіе* настолько ослѣпляютъ его, что онъ не хочетъ слѣдовать мудрымъ совѣтамъ и не желаетъ поучаться опытамъ другихъ лицъ; онъ виновенъ вдвойнѣ, если онъ дѣлаетъ это изъ *каприза*, подвергая опасности судьбу арміи во время тѣхъ уроковъ, которые

даетъ ему непріятель и которые обыкновенно обходятся слишкомъ дорого Монарху и Государству. Примѣромъ тому *Бородино*. Полковникъ *Толь* овладѣлъ умомъ *Кутузова*, которому тучность не дозволяла производить лично рекогносцировку мѣстности“¹⁾.

Хотя здѣсь *Беннигсенъ* ведетъ рѣчь болѣе объ участіи *Толя* въ выборѣ позиціи при *Бородинѣ* и расположеніи на ней войскъ, но здѣсь есть и характеристика *Толя* вообще. Конечно, *Беннигсенъ* не любилъ *Толя*, дѣйствовавшаго ему наперекоръ и ставшаго ему поперекъ дороги, но нельзя не признать, что, даже считаясь съ пристрастіемъ и нерасположеніемъ *Беннигсена*, въ его словахъ есть большая доля справедливости: самодовольство, самолюбіе, капризы (т. е. упрямство), а мы еще прибавимъ—излишняя самонадѣянность, самомнѣніе, заносчивость, временами упрямство и рѣзкость,— всѣ эти качества были присущи *Толю*.

Всѣ эти недостатки были бы простительны, если бы *Толь* обладалъ большимъ боевымъ опытомъ или постиженіемъ расцвѣтшаго при Наполеонѣ военнаго искусства, но въ 1812 г. *Толь* былъ еще молодъ и малоопытенъ и вся его дѣятельность, особенно активное участіе при выборѣ и занятіи Бородинской позиціи, показываютъ, что онъ еще былъ чуждъ тактическому искусству французской арміи²⁾. По свидѣтельству *Липранди*, 23-го августа, при обсужденіи вопроса укрѣпленія центральнаго кургана и расположеніи войскъ центра большинство начальниковъ и офицеровъ Генеральнаго штаба было на сторонѣ предложенія *Беннигсена* (особенно полковникъ *Монахтинъ*) и что, если противоположное мнѣніе *Толя* взяло верхъ, то только потому, что *Толь* былъ силенъ у *Кутузова*, что самъ былъ докладчикомъ и исполнителемъ, и что *Кутузовъ* не довѣрялъ и не любилъ *Беннигсена*. Изученіе документовъ Бородинской операціи, особенно изслѣдованіе вопроса выбора позиціи и расположенія на ней войскъ, приводитъ насъ къ убѣжденію, что руководство *Толя* расположеніемъ войскъ не обнаруживаетъ въ немъ пониманія идей и основаній военнаго искусства, заложеннаго у насъ *Петромъ Великимъ* и продолжаемаго и развиваемаго *Румянцевымъ*, *Потемкинымъ* и *Суворовымъ*, ни того искусства, которое зародилось на западѣ въ концѣ 18-го и расцвѣло въ 19-мъ столѣтіи въ рукахъ геніальнаго французскаго императора.

Въ централизаціи квартирмейстерской власти и обязанностей, въ порядкахъ расположенія арміи подѣ *Бородинымъ*, въ пассивности

¹⁾ Русская Старина 1909 г. № 9.

²⁾ Въ арміи у насъ уже были сторонники народившагося тактическаго искусства, какъ *Сабантеевъ*, графъ *Воронцовъ* и др.

этого расположенія, въ расположеніи войскъ линіями, хотя бы и нѣсколькими,—во всемъ этомъ *Толь* является рутинеромъ и рутинеромъ того отжившаго ученія о боевыхъ порядкахъ и о веденіи боя, которое крѣпко привилось у насъ съ воцареніемъ *Императора Павла*, будучи слѣпо заимствовано отъ вербовочныхъ армій Западной Европы.

Дальнѣйшая дѣятельность *Кутузова* къ вечеру этого дня, по совершеніи арміями перехода къ *Ивашкову*, помимо указанныхъ—донесенія Государю и директивъ *Тормасову* и *Чичагову*, заключалась въ объявленіи состава арріергарда, въ ходатайствѣ черезъ князя *Горчакова* о разрѣшеніи притянуть на театръ дѣйствій формированія князя *Лобанова-Ростовскаго* и *Клейнмихеля*, въ объявленіи порядка и расчета распределенія въ части войскъ для пополненія ихъ числительности формированій *Милорадовича*, въ рядѣ приказаній и распоряженій административнаго характера *графу Ростопчину*, Можайскому предводителю дворянства и, наконецъ, боевыхъ уже приказаній по исполненію уже въ утро слѣдующаго дня 20-го отступательнаго марша-маневра арміи въ д. *Дурькино*. Ожидая разрѣшенія ходатайства объ усиленіи арміи формированіями князя *Лобанова-Ростовскаго* и *Клейнмихеля*, *Кутузовъ* приказалъ полки изъ *Твери*, *Москвы* и *Подолы* направить къ *Можайску*, а всѣ прочіе — къ *Москвѣ*. На мѣру эту не послѣдовало разрѣшенія по полной незрѣлости этихъ формированій, и они вошли въ составъ арміи по оставленіи нами *Москвы*.

Графу Ростопчину данъ рядъ приказаній административнаго характера, напримѣръ, о заготовкѣ и отправкѣ въ армію 1.000 топоровъ, 1.200 жел. лопатъ, 250 буравовъ, о вооруженіи Московскаго ополченія, требованіе помощи Московской губерніи о доставленіи въ *Москву* изъ арміи 8.000 больныхъ и раненыхъ, для чего потребно „на три станціи 300 подводъ“.

Можайскому предводителю дворянства приказано выслать въ армію „землемѣра съ его картою и 4-хъ человекъ изъ дворянъ, знающихъ болѣе положеніе (мѣстность) и дороги уѣзда, 30 чел. крестьянъ, преимущественно лѣсниковъ и охотниковъ, кои могли бы служить проводниками для войскъ“. На него же возлагаетъ *Кутузовъ* „возможное сбереженіе подводъ, которыхъ, собравъ, ввѣрить попеченію генераль-интенданта *Ланскаго* и наблюдать за исполненіемъ этихъ мѣръ въ уѣздахъ“ и „что относится до подводъ, имѣтъ особое попеченіе, предписавъ уѣзднымъ предводи-

телямъ исполнять предписанія верховнаго дежурства съ всевозможной точностью и поспѣшностью“.

20-го *Кутузовъ*, опередивъ армію, рано утромъ переѣхалъ въ *Михалево* (восточнѣе *Дурыкино*), а армія въ теченіе дня тремя колоннами перешла въ *Дурыкино*.

Арріергарды стали передъ г. *Гжатскомъ* и въ теченіе дня съ горячимъ боемъ прошли г. *Гжатскъ* и р. *Гжатъ* правѣе и лѣвѣе и стали на ночь на линіи дд. *Поляниново—Афанасково*, имѣя впереди казачьи полки. Главныя силы Наполеона къ вечеру заняли *Гжатскъ*, авангардъ Мюрата—*Ивашиково*, IV корпусъ сел. *Павлово* и V—*Будаево*.

Энергичное преслѣдованіе Наполеона 20-го временно прекратилось, такъ какъ на 21-ое и 22-ое онъ назначилъ своей арміи дневку.

Распорядительная дѣятельность *Кутузова* въ теченіе дня 20-го обнимала преимущественно вопросы административнаго характера и въ числѣ таковыхъ—мѣры по принятію порядка въ тылу, устройства почтовыхъ станцій отъ *Дурыкино* до *Москвы* „для беспрепятственнаго слѣдованія курьеровъ, требованіе отъ *Ростопчина* о высылкѣ въ армію лопатъ и топоровъ, распоряженіе о слѣдномъ сосредоточеніи ополченія изъ *Вереи*, *Рузы* и *Москвы* въ *Можайскъ*, а также мѣропріятія по снабженію арміи въ *Можайскъ* запасными для артиллеріи людьми и лошадьми, равно и зарядными ящиками.

Первоначально и еще днемъ 20-го, дано арміи приказаніе „на слѣдующій день 21-го перейти въ с. *Бородино*“, но затѣмъ къ вечеру это приказаніе отмѣнено, по причинѣ ли величины перехода (35—37 в.), недостатка дорогъ или состоянія пути—неизвѣстно, но первое приказаніе отмѣнено и послѣдовало новое—арміи перейти со свѣтомъ только до *Колоцкого монастыря* (переходъ 24—25 в.), двинувъ съ вечера 20-го всю артиллерію и всѣ обозы, часть которыхъ направлена прямо въ *Можайскъ*.

На слѣдующій день 21-го *Кутузовъ* рано утромъ переѣхалъ къ *Колоцкому монастырю*, гдѣ уже засталъ обозы арміи.

Съ 9-ти утра начали прибывать къ *Колоцкому монастырю* и первыя части войскъ, а къ полудню собралась и вся армія.

Для успокоенія *Ростопчина* и главнымъ образомъ первопрестольной столицы, *Кутузовъ*, давно уже рѣшившій принять сраженіе гдѣ-либо у *Можайска*, сообщаетъ *Ростопчину*, что хотя

„позиція здѣсь и хороша, но велика для арміи и могла бы ослабить одинъ флангъ“ и что онъ отступаетъ далѣе для избранія лучшей и заканчиваетъ слѣдующимъ: „Теперь намъ рѣваюсь, по избраніи мѣста вблизи Можайска, дать генеральное сраженіе и рѣшительное для спасенія Москвы“.

Распоряженія *Кутузова* въ этотъ день продолжали обнимать административные вопросы: продовольствія арміи, фуражного довольствія (разрѣшеніе косить овесъ на корню), возвращенія въ строй отсталыхъ и отбившихся, устройства „особаго депо подводъ“ для перевозки больныхъ и раненыхъ и т. п.

Съ прибытіемъ въ армію *Кутузова* значительно успокоился и князь *Багратионъ*—въ его письмахъ больше спокойствія и увѣренности въ успѣхъ. „Шельма лѣзетъ, есть надежда, что мы побьемъ ихъ плотно. Войска знаю въ страшномъ духѣ и мы всѣ; истинно только и нужно, чтобъ дали волю“, пишетъ онъ въ этотъ день графу *Ростопчину*.

Арміи приказано въ ночь на 22-ое перейти къ с. *Бородино*, куда *Кутузовъ* лично прибылъ рано утромъ, произвелъ лично первое обзрѣніе позиціи и далъ свое согласіе на расположеніе здѣсь арміи въ цѣляхъ общаго и рѣшительнаго сраженія.

Цѣлью сраженія *Кутузовъ* ставилъ—спасеніе *Москвы*.

Не было ли для спасенія *Москвы* другого средства, менѣе рѣшительнаго, но и менѣе рискованнаго, чѣмъ сраженіе съ превосходной числомъ и искусствомъ арміею, руководимой величайшимъ геніемъ?!..

Не было ли цѣлесообразнѣе свернуть здѣсь на югъ и, увлекая за собой армію Наполеона, выигрывать время, задерживая, стѣсняя ее и откладывая сраженіе до болѣе благоприятныхъ условій, не рискуя *Москвой*?!.. Или не было ли цѣлесообразнѣе продолжать отступление на Москву и, возможно задерживая и ослабляя непріятельскую армію, стѣсняя ее въ пользованіи мѣстными средствами и выигрывая время, дать сраженіе, хотя бы подъ стѣнами *Москвы*, опираясь на громадныя средства столицы?!

Оставляя открытымъ вопросъ о возможности или невозможности принятія первой мѣры, укажемъ лишь на громадныя тому затрудненія по подготовкѣ новаго пути сообщенія, по недостатку на то времени за позднимъ назначеніемъ *Кутузова* и на неполноту власти и авторитета *Кутузова* бросить направленіе на *Москву*, не испы-

тавъ еще силы оружія жаждавшей боя арміею ¹⁾), обратимся ко второму мѣропріятію—отложить время и мѣсто рѣшительнаго сраженія—хотя бы до самой *Москвы*.

На отступленіе хотя бы до самой *Москвы* было достаточно власти *Кутузова* и вообще несомнѣнно, что было выгоднѣе дать сраженіе возможно позже, ибо французская армія въ своемъ сосредоточеніи, въ виду нашей арміи, стѣсненная въ пользованіи мѣстными средствами, была обречена лишеніямъ и убывала съ каждымъ лишнимъ переходомъ, и никогда еще величайшій полководецъ не нуждался въ общемъ и рѣшительномъ сраженіи столь насущно и столь настоятельно, какъ въ концѣ августа 1812-го года.

Кутузовъ съ своимъ яснымъ и дальновиднымъ умомъ конечно прекрасно понималъ, что условія силы все еще были на сторонѣ его противника, и что, конечно, было бы значительно выгоднѣе отходить возможно далѣе назадъ, но надо обнять всю совокупность условій обстановки въ концѣ августа, включая и личное положеніе *Кутузова*, чтобы понять, что если потребность сраженія еще не созрѣла въ условіяхъ силы и времени, то она созрѣла для насъ такъ сказать въ психологическомъ отношеніи, и эта потребность въ рѣшительномъ, наконецъ, сраженіи настолько созрѣла въ общемъ сознаніи, въ сознаніи массы, а постоянное отступленіе настолько осуждалось и даже чуть не проклиналось, что было почти невозможно требовать отъ войскъ продолженія отступленія съ обѣщаніемъ сраженія въ будущемъ.

Глубоко былъ правъ герой многихъ славныхъ дѣлъ князь *Багратионъ* въ его характеристикѣ духа войскъ: „Войска знаю въ страшномъ духѣ и мы всѣ (т. е. начальники), истинно только и нужно, чтобы дали волю“.

Да, наконецъ, и самъ *Кутузовъ*, признававшій, что „духъ въ арміи чрезвычайный“ и что „армія въ полномъ духѣ“, не могъ, живя въ этой атмосферѣ общей жажды боя, не подчиниться въ извѣстной степени этому общему чувству.

Въ концѣ августа требованіе сраженія достигло наивысшей степени, оно какъ бы висѣло въ воздухѣ, и общее во всѣхъ чувство

¹⁾ Перемѣна операціонной линіи—трудная операція, требующая заблаговременной и тщательной подготовки, а въ данномъ же случаѣ особенно трудной, такъ какъ съ ней было связано открытіе дороги въ *Москву*.

только и говорило, что пора наконецъ противостать арміи Наполеона и дать волю арміи сразиться во всю съ дерзкимъ противникомъ.

Казалось, не было такой силы, которая отклонила бы армію отъ рѣшительнаго боя.

Удовлетворяя и подчиняясь ожиданіямъ Государя, требованіямъ арміи и народа, т. е. ожиданіямъ верховной власти и требованіямъ массы, неизбѣжно подчиняясь духовному настроенію арміи, ея нетерпѣнію боя въ этотъ періодъ войны, понуждаемый общимъ желаніемъ и требованіямъ пріостановить, наконецъ, наступленіе, не доходя *Москвы*,—*Кутузовъ*, въ его личномъ положеніи, уже не могъ взять на себя идти наперекоръ всѣмъ этимъ общимъ желаніямъ и требованіямъ и еще разъ уклониться отъ сраженія и продолжать отступление, тѣмъ болѣе, что онъ у *Бородина* усилился всѣмъ, чѣмъ только было возможно, и теперь уже не могъ сослаться на необходимость идти на подкрѣпленія, такъ какъ онъ достигъ ихъ, или на слабость позиціи, такъ какъ настоящая у *Бородина* была признана его квартирмейстерами „наилучшей, какую въ сихъ плоскихъ мѣстахъ найти можно“.

Подчиняясь такимъ образомъ совокупности общихъ требованій, *Кутузовъ* въ утро этого дня рѣшился пріостановить свое отступление и стать всей арміею на поляхъ *Бородинскихъ*.

Утромъ этого дня *Кутузовъ* собственноручно и знаменательно пишетъ Ростопчину: „Надѣюсь дать баталію въ теперешней позиціи, *развѣ непріятель будетъ меня обходить, тогда долженъ я буду отступить*, чтобы ходъ ему къ *Москвѣ* воспрепятствовать..... (точки въ подлинникѣ). Ежели буду побѣжденъ, то пойду къ *Москвѣ* и тамъ буду оборонять столицу“. Отдаваясь общему чувству и уступая всѣмъ требованіямъ, *Кутузовъ* тѣмъ не менѣе настолько сохранилъ равновѣсіе, что какъ бы поставилъ условіе своей арміи — не быть обойденной, а противнику — не смѣть его обходить, что и было разгадано гениемъ *Наполеона*.

Итакъ, рѣшеніе дать сраженіе гдѣ-либо не доходя *Москвы*, вблизи *Можайска* и именно на *Бородинскихъ* позиціяхъ, въ личномъ положеніи *Кутузова* въ концѣ августа было неизбѣжно-необходимо, а слѣдовательно было правильно.

Это рѣшеніе было *Кутузовымъ* твердо и опредѣленно обусловлено лобовой атакой противникомъ его расположенія, каковая при силѣ позиціи и чрезвычайномъ духѣ его арміи и примѣненіи искусства въ расположеніи и веденіи боя могла оказаться поги-

бельной для арміи *Наполеона*, или, въ крайности, могла смертельно разстроить эту армію.

Съ принятіемъ этого рѣшенія, *Кутузовъ* всецѣло отдался подготовкѣ этого знаменитаго сраженія, какъ въ области матеріи, такъ особенно и главнымъ образомъ въ области духа, въ той области, въ которой мудрый полководецъ болѣе всего искалъ опоры въ борьбѣ съ превосходной числомъ и военнымъ искусствомъ перво-классной арміею, руководимой величайшимъ гениемъ всѣхъ временъ и народовъ.

Въ лаконическомъ и характерномъ въ этотъ день письмѣ къ женѣ *Кутузовъ* полонъ надежды и рѣшимости: „Я здоровъ. Слава Богу и съ надеждой на Бога; армія въ полномъ духѣ. Солдаты изъ *Смоленска* вынесли чудотворный образъ Божьей Матери, и сей образъ всюду сопутствуетъ намъ“.

Б. М. Колюбакинъ.

